

ВЕЧНАЯ ПОЭЗИЯ

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

*Каждый выбирает
по себе*

Юрий Давыдович Левитанский

Каждый выбирает по себе

Серия «Вечная поэзия»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41248756
Каждый выбирает по себе: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-109374-7*

Аннотация

В сборник «Каждый выбирает по себе» Юрия Левитанского, одного из самых значительных русских поэтов второй половины XX века, вошли наиболее известные его произведения, посвященные двум главным темам: любви и творчеству. Читатель может проследить интереснейшее развитие поэтического дара от более ранних, послевоенных стихов до самых последних, написанных незадолго до конца жизни.

Содержание

Откуда вы приходите, слова...	7
«Откуда вы приходите, слова...»	7
«Древнее...»	10
Женщина, которой ничего не нужно	13
«К птичьему прислушиваюсь крику...»	15
Огонь	17
Надпись на камне	19
«Промельк мысли. Замысел рисунка...»	21
«Вот мною не написанный рассказ...»	24
«Не там, где сходятся...»	27
«Моя любовь к тебе – как горная вершина...»	29
«Лес лопочет у окна...»	32
«Как медленно тебя я забывал...»	34
«К морю стремился...»	36
Вдовы	38
«Все сущее мечено временем...»	41
«Приближаясь к спокойному устью...»	42
Вот и живу теперь – поздний...	45
Езда в незнаемое	45
Мое поколение	48
Кое-что о моей внешности	50
Смерть	52
Ночью, за письменным столом	54

Элегия	56
«Мучительно хочется рисовать...»	58
Человек, умеющий всё	61
Кораблик	63
Портрет	65
«С деревянным домом...»	67
Дерево добрых	69
Популярность	72
В Ленинграде, когда была метель	74
Трава	77
«То ты в слезы, то в хохот...»	79
Дождь	81
«Разлюбили. Забыли...»	83
Женщина в голубом	85
«Я не был там какой уж год...»	87
Осень	89
Я медленно учился жить...	91
Вступление в книгу	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Юрий Левитанский

Каждый выбирает по себе

© Ю.Д. Левитанский, наследники, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Откуда вы приходите, слова...

«Откуда вы приходите, слова...»

Откуда вы приходите, слова,
исполненные доброго доверья?
По-моему, оттуда, где трава.
По-моему, оттуда, где деревья.
Нам переходы света и теней
за древними лесными деревьями
покажутся резными теремами,
возникшими из света и теней.
А дальше будет глуше и темней,
и тропка лисья станет неприметной.
Она и вправду стала неприметной,
а все-таки давай пойдём по ней,
пойдём на ощупь,
ветки раздвигая.
Эге-ге-гей! Ну где же вы, слова?
«Слова, слова!...» —
вздыхают робко листья,
и тропка поворачивает лисья
туда, где в листьях прячется сова.
А может, так же прячутся слова
за пнями

и замшелыми камнями?

Слова – они, наверное, корнями,
как дерева,
уходят в глубину.

И тропка нас уводит в старину,
туда, где бродит прашур волосатый
по травам, не имеющим названья,
где снег летит, не названный еще,
поет еще не названная птица
и звезды,

у которых нет названья,
в дремучих отражаются очах.

И пращура охватывает трепет,
едва доходит до его сознания,
какая тяжесть на его плечах.

В нем глухо пробуждается художник,
и, сладкие испытывая муки,
он ждет вас, нерожденные слова.

Он что-то удивительное лепит,
мешая краски, запахи и звуки.

Сначала это только смутный лепет,
и вдруг он превращается в слова.

Тогда травой становится трава,
а этот сумрак зыблющийся – лесом,
а этот холод падающий – снегом,
а это чудо маленькое – птицей.

И я беру из рук его слова.

Они еще звенят, как тетива
и как стрела,

что пущена из лука.

Они из цвета, запаха и звука.

На них еще не высохла роса.

В них травы отразились и деревья.

И у меня кружится голова,

пока я их несу тебе —

слова,

исполненные доброго доверья.

«Древнее...»

Древнее,
    неразгаданное пространство
    смотрит на землю
    холодно и бесстрастно.
В темных глубинах
    маленькой светлой точкой
спутник сейчас проходит
    орбитой точной.
Чтоб заглянуть
    в безвестные те высоты,
ни к чему ни двадцатый этаж,
    ни сотый.
Лучик зеленый,
    парящий в туманных сферах,
виден отчетливо
    в этих осенних скверах,
где под грибком раскрашенным
    из фанеры
утром играют в шашки
    пенсионеры,
где возле булочной
    пахнет горячей сдобой –
здесь, на земле этой будничной,
    строгой и доброй.
А помню еще –

за звездным полетом
я наблюдал и в поле однажды
летом.
И был он так ясен
в поле
под черным небом,
в поле,
где сладко пахло
печеным хлебом,
где и доселе
темные эти дали
всё еще что-то помнили
о Дедале,
смутное что-то, темное
об Икаре,
что-то о божьем гневe,
о божьей каре.
Там, над обрывом,
тополи шелестели,
словно бы крылья
в небо взлететь хотели,
словно бы крылья
в небо взлететь пытались,
путались,
расплетались,
переплетались,
и за ночным овином,
за старой ригой,
где-то за дальним лугом,

над темным логом,
все раздавалось –
    прыгай, Иване, прыгай! –
все шелестело –
    с богом, Иване, с богом!

Женщина, которой ничего не нужно

Что вы с собой делаете?

Что вы себе думаете?

Ничего не делаете.

Ни о чем не думаете.

Пусто засыпаете.

Пусто просыпаетесь.

Да и то лишь кажется,

будто просыпаетесь.

В накуренном зеркале —

ваши руки дремлющие,

ваши губы дремлющие,

ничего не требующие.

И кровать спальная —

будто место лобное.

Что-то в груди треснуло.

Что-то в душе лопнуло.

Под упругим свитером

все мертво-мертвенно.

Сигарета с фильтром

дымит, дымит медленно.

А много ли истрачено

того тепла женского?

Давно война кончена,

и спросить не с кого.

А вы все боль копите,
в вине горе топите —
то ли горе топите,
то ли в море тонете.
Тонете, тонете,
уже не просыпаетесь,
и лишь на дне снится вам,
что вы просыпаетесь.

«К птичьему прислушиваюсь крику...»

К птичьему прислушиваюсь крику.
Вижу только море вдалеке.
Море ходит. Море пишет книгу.
Книгу о себе. О старике.

Сети. Сеть ошибок. Сеть сединок.
Медленно стихающий прибой.
Что такое старость? Поединок.
С берегами. С временем. С судьбой.

Днища рассыхаются у лодок.
Черный борт ракушками оброс.
Призрачность улова. Сеть уловов.
Кто кого? Неведомо. Вопрос.

Как в корриде, перед мордой бычьей.
Та же несущественность улик.
Быть с добычей – или стать добычей.
Только это. Выбор невелик.

Только это. Прочее – подробности.
Этим и подробности полны.
Ощущенье краткости и дробности.

Напряженной сжатости волны.

Только волны. Волны, за которыми
набегают волны, в свой черед.
Это все подчеркнуто повторами.
Взад-вперед. И снова – взад-вперед.

Белый – синий. Белый цвет и синий.
Дни и годы. Годы и века.
Та же повторяемость усилий.
То же повторение рывка.

Поплавок неверен и обманчив.
По воде расходятся круги.
И тогда на свет выходит мальчик.
Он глядит на свет из-под руки.

Сети. Сеть ошибок. Сеть сединок.
Слабенькая детская рука.
Вьется леска. Длится поединок.
Лишь вода – темна и глубока.

Огонь

Печной огонь.
Ночной огонь на Трубной.
Ручной,
и неопасный потому.
А он живет
своею жизнью трудной,
и незачем завидовать ему.
Не то что в керогазах —
в паровозах
не смеет он считать себя огнем.
Он всем необходим.
Но в малых дозах.
Чтоб суп варить.
Чтоб руки греть на нем.
А у него
огромные размеры,
и, полумеры
люто не терпя,
он иногда
теряет чувство меры,
стремясь полнее выразить себя.
Его солдаты яры
и поджары.
Едва дозоры
скроются на миг —

он тут как тут.
Тогда гудят пожары.
И разговор ведется напрямик.
Одна вода,
вода его тревожит.
Она одна грозит ему бедой.
Он все урегулировать не может
взаимоотношения с водой.
Тут он молчит.
Он вынужден смиряться.
Урчит печурка.
Тлеет головня.
И все-таки воздержимся
смеяться
над видимой покорностью огня.

Надпись на камне

Джордано Бруно

Даже в малые истины
людям не сразу верится.
И хотя моя истина
так проста и неоспорима,
но едва я сказал им,
что эта планета вертится,
я был тотчас же проклят
святыми отцами Рима.
Вышло так, что слова мои
рушат некие правила,
оскверняют душу
и тело бросают в озноб.
И стал я тогда
опасным агентом дьявола,
ниспровергателем
вечных земных основ.
На меня кандалы не надели,
чтоб греб на галере,
свой неслыханный грех
искупая в томительном плаванье,
а сложили костер,
настоящий костер,
чтоб горели

мои грешные кости
в его очистительном пламени.
Я заглывал воздух
еще не обугленным ртом.
Сизоватым удушливым дымом
полнеба завесило.
Поначалу обуглились ноги мои,
а потом
я горел, как свеча,
я потрескивал жутко и весело.
Но была моя правда
превыше земного огня
и святейших соборов,
которыми труд мой не признан.
О природа,
единственный бог мой!
Частица меня
пребывает в тебе
и пребудет
отныне и присно!
Остаюсь на костре.
Мне из пламени выйти нельзя.
Вот опять и опять
мои руки веревками вяжут.
Но горит мое сердце,
горит мое сердце, друзья,
и в глазах моих темных
горячие искорки пляшут.

«Промельк мысли. Замысел рисунка...»

Промельк мысли. Замысел рисунка.
Поединок сердца и рассудка.
Шахматная партия. Дуэль.
Грозное ристалище. Подобье
благородных рыцарских турниров –
жребий брошен, сударь,
нынче ваш
выбор – пистолеты или шпаги.

(Нотные линейки. Лист бумаги.
Кисточка. Палитра. Карандаш.
Холст и глина. Дерево и камень.)

Сердце и рассудок. Лед и пламень.
Страсть и безошибочный расчет.
Шахматная партия. Квадраты
белые и черные. Утраты
все невосполнимее к концу.
Сердце, ты играешь безрассудно.
Ты рискуешь. Ты теряешь в темпе.
Это уже пахнет вечным шахом.
Просто крахом пахнет, наконец.
А рассудок – он играет точно

(ход конем — как выпад на рапире!),
он, рассудок, трезво рассуждает,
все ходы он знает наперед.
Вот он даже пешку не берет.
Вот он даже сам предупреждает:
что вы, сударь, что вы,
так нельзя,
шах, и вы теряете ферзя —
пропадает ваша королева!..
Но опять

все так же
где-то слева
раздается мерный этот звук —
тук да тук,
и снова —
тук да тук
(сердце бьется, сердце не сдается),
тук да тук,
все громче,
тук да тук
(в ритме карандашного наброска,
в ритме музыкального рисунка,
в ритме хореической строки) —
чтоб всей силой
страсти и порыва,
взрыва,
моментального прорыва,
и, в конце концов,
ценой разрыва

победить,
рассудку вопреки!

«Вот мною не написанный рассказ...»

Вот мною не написанный рассказ.

Его эскиз.

Невидимый каркас.

Расплывчатые контуры сюжета.

А самого рассказа еще нет,

хотя его навязчивый сюжет

давно меня томит,

повелевая —

пиши меня,

я вечный твой рассказ,

пиши меня

(и это как приказ),

пиши меня

во что бы то ни стало!..

Итак, рассказ о женщине.

Рассказ

о женщине,

которая летала,

и был ее спасительный полет

отнюдь не цирковым аттракционом,

а поиском опоры и крыла

в могучем поле гравитационном

земных ее бесчисленных тягот...

Таков сюжет,
уже который год
томящий мою душу неотступно —
не оттого ль,
что, как сказал поэт,
я с давних пор,
едва ль не с детских лет,
непоправимо ранен женской долей,
и след ее,
как отсвет и как свет,
как марево над утренней рекою,
стоит почти за каждою строкою,
когда-либо написанною мной?..

Таков рассказ. Его сюжет сквозной.
О чем же он? О женщине. Одной.
(И не одной.)

Навязчивый сюжет,
томящий мою душу столько лет,
неумолимо мне повелевая —
пиши меня,
я вечный твой рассказ,
пиши меня
(не просьба, а приказ),
я боль твоя,
я точка болевая!..

И я пишу.
Всю жизнь его пишу.

Пишу, пока живу. Пока дышу.
О чем бы ни писал –
его пишу,
ни на мгновенье не переставая.

«Не там, где сходятся...»

Не там, где сходятся,
где встреча
и на ромашках ворожат,
где, губ не пряча,
не переча,
уже собой не дорожат, —
совсем не там,
а много позже
есть час,
незнаемый тобой,
где две судьбы,
еще не схожих,
одной становятся судьбой.
А до того,
в горах плутая,
на крутизну,
под облака
тебя ведет тропа крутая,
не проторенная пока.
Секут дожди
и почву месят,
грозя обвалами камней.
...Который год,
который месяц
иду к тебе,

а ты ко мне.

О, как тропа моя извита,
и ты на ней
в иные дни
то вдруг теряешься из виду,
а то —
лишь руку протяни.

И снова пропасть под ногами
непостижимой глубины,
и равнодушными снегами
мы, как стеной,
разделены.

В пути застигнуты пургою.
С дороги сбились.

Но весной
все начинается другою,
неповторимой новизной.
И я смеюсь над буревалом,
где страх меня одолевал,
где я грустил,
за перевалом
увидев новый перевал.

Ломая кромку ледяную,
опять бежит моя тропа
туда, где сходится вплотную
с твоей судьбой
моя судьба.

«Моя любовь к тебе – как горная вершина...»

Моя любовь к тебе – как горная вершина
или волна солоноватая морская.

Все, чем я жил и чем живу, она вершила,
ни на минуту от себя не отпуская.

Я видел, как она растёт и как шагает,
то сокрушительна, а то нетороплива.
Она то стужей леденит, то обжигает,
пора прилива у нее, пора отлива.

Она не бросит ни за что, но и не просит
бежать за ней, когда за дверью непогода.
Она раскинется тайгой, где нету просек,
а то прикинется рекой, где нету брода.

А ты все так же дорожишь лишь небом синим.
Зачем ты веришь в эту ложь, не понимаю,
и так растерянно дрожишь под небом зимним,
и так испуганно живешь от мая к маю.

С мокрой травы в лесу
                                стряхиваю росу.
Хочешь, стихотворенье
                                из лесу принесу?
В комнате, еще темной,
                                чмокнешь во сне губами.
Земляникою пахнет теплой?
                                Сеном? Или грибами?
Где-то кузнец стрекочет,
                                травинка щеку щекочет –
тебя разбудить от солнца
                                стихотворенье хочет.
А ты все не просыпаешься,
                                все ты не просыпаешься,
одними губами сонными
                                медленно улыбаешься:
«Что, мол, опять за шалости?
                                Нет в тебе, видно, жалости!
Где же черты солидности,
                                признаки возмужалости?...»
Все это знаю издавна –
                                не к чему повторенье.
Тихо выходим из дому –
                                я и стихотворенье.

Мутную тишь дремотную
ранняя птаха будит.

Нет у меня солидности,
видимо – и не будет.

Дачу еще не выстроил,
не обзавелся чином.

Толстую палку выстрогал
ножиком перочинным.

Иду не спеша, помалкиваю,
палкой своей помахиваю,
с мокрой травы в лесу
стряхиваю росу.

«Лес лопочет у окна...»

Лес лопочет у окна
        в полудреме.
Женщина живет – одна
        в чужом доме.
Дом не брошен, не забит.
        Войди в сени –
и почувствуешь: забыт,
        забыт всеми.
Полумрак и тишина,
        ничего кроме.
Женщина живет – одна
        в чужом доме.
На диване дремлет кот
        ожирелый.
Муж ей дарит в Новый год
        ожерелье.
Он ей много покупал,
        много купит.
Тянутся к ее губам
        его губы.
Занавешено окно,
        постель постлана.
Все вокруг занесено.
        Уже поздно.
Лес бормочет у окна

в ночной дреме.

Женщина живет – одна

в чужом доме.

«Как медленно тебя я забывал...»

Как медленно тебя я забывал!

Не мог тебя забыть,
а забывал.

Твой облик от меня отодвигался,
он как бы расплывался,
уплывал,

дробился,
обволакивался тайною
и таял у неближних берегов —
и это все подобно было таянью,
замедленному таянью снегов.
Все таяло.

Я начал забывать
твое лицо.

Сперва никак не мог
глаза твои забыть,
а вот забыл,

одно лишь имя все шепчу губами.
Нам в тех лугах уж больше не бывать.
Наш березняк насупился и смолк,
и ветер на прощанье протрубил
над нашими печальными дубами.
И чем-то горьким пахнет от стогов,
где звук моих шагов уже стихает.
И капля по щеке моей стекает...

О, медленное таянье снегов!

«К морю стремился...»

К морю стремился,
морем дышал на юге.
Но когда мое сердце
слушать начнут врачи –
они услышат отчетливо
посвист выюги
и голос филина,
ухающего в ночи.
Бьет кабарга копытцами
дробно-дробно.
Бьется над логом
сохатого трубный зов.
Это Сибирь
в груди моей
дышит ровно
всей протяженностью
древних своих лесов.
Это во мне
снега по весне не тают
и ноздреватый наст
у краев примят.
Птицы Сибири
в груди у меня
летают.

Реки Сибири
в крови у меня
гремят.

Это во мне
медведи заводят игры,
грузно кряжи качаются
на волне.

Ветер низовый.
Кедры роняют иглы.

Хвойные иглы –
это во мне, во мне.

Это во мне поднялся
и не стихает
ветер низовый,
рвущийся напролом.

Смолка
по старой лиственнице стекает.

Бьет копалуха раненая
крылом.

Я ухожу из выюги,
из белой выюги.

Лодка моя качается
на волне.

Еду куда-то.
Морем дышу на юге.

Белые выюги
глухо гудят во мне.

Вдовы

Как части гарнизона,
погибшего за Брест, —
бессменно и бессонно
несут они свой крест.

Без жалобы и вздоха,
грядущему на суд,
тебе на суд, эпоха,
свой крест они несут.

Давно ушли мужчины
от этих берегов.
Оставили морщины.
Оставили врагов.

Оставили негусто,
уйдя в небытие.
Нетленное искусство.
Бессмертие свое...

Бессмертные романы.
Посмертные листы.
А между тем карманы —
пусты они, пусты.

Но вечно ждать готовы —
всё ждут, что позовут, —
седеющие вдовы
надеждою живут.

Всё верят, что воздастся
за совесть и за честь.
Что рукопись издастся,
и смогут все прочесть.

И что один приятель,
им преданный навек,
талантливый ваятель,
но бедный человек,

украсит ту могилу,
тот холмик некрутой,
надгробною фигурой,
гранитною плитой...

Посмертная страница.
Бессмертная строка.
Но все это хранится
в неизвестности пока.

Но вечно ждать готовы,
всё ждут, что позовут, —
седеющие вдовы
надеждою живут.

Живут, свое оплавав.
Глощают стужу ртом.
Платонов и Булгаков,
мы встретимся потом.

Минуты этой ради
хранят они года
те общие тетради
их общего труда.

Хранят светло и нежно,
и всё у них в былом.
Но вера и надежда
сидят за их столом.

«Все сущее мечено временем...»

Все сущее мечено временем.

А вот замечается вновь,
что время рифмуется с бременем,
с любовью соседствует кровь.

Старинные связи не сломлены
и медленно сходят на нет —
так прочно они обусловлены
всем опытом прожитых лет.

Нам годы минувшие помнятся,
не так наша память слаба.

А все же смотрите, как полнятся
значением новым слова.

Иные уходят в предание,
иные лишь стали верней.

Я в будущем вижу братание
не схожих по виду корней.

Надежными узами связаны,
сроднившись на все времена,
там пальмы рифмуются с вязами,
с планетою нашей — луна.

И больше не кажется странностью, —
то детям известно давно, —
что время рифмуется с радостью,
что людям созвучно добро.

«Приближаясь к спокойному устью...»

Узнаю тебя, жизнь, принимаю...

Приближаясь к спокойному устью,
оставляя все дальше исток,
иногда с неосознанной грустью
календарный срываю листок.

Я с непрожитых чисел снимаю
отслужившее службу число,
будто парус рукой поднимаю,
заношу над водою весло.

И несут меня быстрые воды,
только веслами крепче ударь, –
и смещаются даты и годы,
и летит со стены календарь.

Ты узнай меня, мама родная!
Это я, в гимнастерку одет,
прохожу от Днепра до Дуная
и старею на тысячу лет.

Я усы фронтовые не брею.

В них впитался махорочный дым.
Я мужаю, взрослею, старею
и опять становлюсь молодым.

Засыпаю при сполохах красных.
Прохожу в перекрестном огне.
И как будто два возраста разных
по-соседски ужились во мне.

Так живут в сочетании света
и осенней лесной полутьмы
все приметы недавнего лета
и предчувствие близкой зимы.

Будет вьюга.

Ах, зимняя вьюга,
у тебя не отнимешь права!
Но за вьюгой, легка и упруга,
пробивается к солнцу трава.

Может, больше мой снег не растает,
но жалеть ни о чем не могу.
Пусть другая трава вырастает,
перед той не оставшись в долгу.

Я глаза к небесам поднимаю.
Заношу над водою весло.
Не тужу ни о чем,
понимаю,

по каким меня рекам несло.

Вот и живу теперь – поздний...

Езда в незнаемое

*...Но землю с небом, умирая,
он все никак связать не мог.*

Никогда не наскучит
езда в незнаемое.
Днем и ночью идут поезда
в незнаемое.
Кто-то молча табак у окна
раскуривает.
Кто-то шумно бутылку вина
раскупоривает.
Кто-то пишет письмо,
где клянется в верности.
И на всем –
загадочный отблеск
вечности.

Это грустное дело –
езда в незнаемое.
Ведь не каждый приедет туда,
в незнаемое.

Кто-то ночью сходит
на тихой станции
и уже остается
на этой станции.
Полыхает небо
в туманной млечности.
И на всем —
обманчивый отблеск
вечности.

Но прекрасное дело —
езда в незнаемое!
За какой-то березкой,
давно знакомою,
в тишине открывается вдруг
незнаемое —
неизвестное,
странное,
незнакомое.

Осторожно вглядываемся
в незнакомое,
будто видим что-то в нем
незаконное.

А оно все ширится,
незнакомое,
еще в рамки привычности
не закованное.

О, сигнал отправления!

Ветер скорости.
Вечный путь от скованности
к раскованности.
Обновление жизни.
Езда в неизвестное.
Покатилась где-то звезда
в неизвестное.
Никакой законченности
и увенчанности.
Только этот
незыблемый отблеск
вечности.

Мое поколение

И убивали, и ранили
пули, что были в нас посланы.
Были мы в юности ранними,
стали от этого поздними.
Вот и живу теперь – поздний.
Лист раскрывается – поздний.
Свет разгорается – поздний.
Снег осыпается – поздний.
Снег меня будит ночами.
Войны мне снятся ночами.
Как я их скину со счета?
Две у меня за плечами.
Были ранения ранние.
Было призвание раннее.
Трудно давалось прозрение.
Поздно приходит признание.
Я все нежней и осознанней
это люблю поколение.
Жесткое это каление.
Светлое это горение.
Сколько по свету кружили!
Вплоть до победы – служили.
После победы – служили.
Лучших стихов не сложили.
Вот и живу теперь – поздний.

Лист раскрывается – поздний.
Свет разгорается – поздний.
Снег осыпается – поздний.
Лист мой по ветру не вьется –
крепкий, уже не сорвется.
Свет мой спокойно струится –
ветра уже не боится.
Снег мой растет, нарастает –
поздний, уже не растает.

Кое-что о моей внешности

Я был в юности – вылитый Лермонтов.
Видно, так на него походил,
что кричали мне – Лермонтов! Лермонтов! –
на дорогах, где я проходил.

Я был в том же, что Лермонтов, чине.
Я усы отрастил на войне.
Вероятно, по этой причине
было сходство заметно вдвойне.

Долго гнался за мной этот возглас.
Но, на некий взойдя перевал,
перешел я из возраста в возраст,
возраст лермонтовский миновал.

Я старел,
я толстел,
и с годами
начинали друзья находить,
что я стал походить на Бальзака,
на Флобера я стал походить.

Хоть и льстила мне видимость эта,
но в моих уже зрелых летах
понимал я, что сущность предмета

может с внешностью быть не в ладах.

И тщеславья – древнейшей религии –
я поклонником не был, увы.

Так что близкое сходство с великими
не вскружило моей головы.

Но как горькая память о юности,
о друзьях, о любви, о войне,
все звучит это – Лермонтов! Лермонтов! –
где-то в самой моей глубине.

Смерть

Я давно знаю,
    что, когда умирают люди
и земля принимает
    грешные их тела,
ничего не меняется в мире —
    другие люди
продолжают вершить
    свои будничные дела.
Они так же завтракают.
    Ссорятся. Обнимаются.
Идут за покупками.
    Целуются на мостах.
В бане моются.
    На собраниях маются.
Мир не рушится.
    Все на своих местах.
И все-таки
    каждый раз я чувствую —
    рушится.
В короткий миг
    особой той тишины
небо рушится.
    Земля рушится.
И только не видно этого
    со стороны.

Ночью, за письменным столом

О сообщничество карандаша и бумаги!
Ты подобно содружеству путника и дороги.
А точнее – содружеству воина и равнины,
где под хрупким снегом хитрые скрыты мины.

О содружество карандаша и бумаги!
Ты причина множества
                    всевозможных последствий –
величайших бедствий,
                    дьявольских наваждений,
человеческих озарений и заблуждений.

О содружество
                    карандаша и бумаги!
Вот сидит человек. Что, безумец, берет он в руки!
Достает он пакетик с лезвием безопасным,
и оно становится с этой поры опасным.

Он опасным лезвием свой карандашик чинит.
Он любовно над ним склоняется. Он колдует.
Построгает слегка,
                    пыльцу аккуратно сдует,
и опять строгает, и дует, и снова чинит.

Вот он в сторону отодвинул листок со стружкой.

Придвигает поближе листик бумаги писчей.
Тут не думай его отвлечь ни пивною кружкой,
ни вином, ни женщиной, ни отборной пищей.

Он исполнен сейчас решимости и отваги –
ни о чем таком разговаривать он не будет.
Вот его карандаш коснулся уже бумаги.
Что-то будет сегодня ночью.

О, что-то будет!

Элегия

Тихо. Сумерки. Бабье лето.

Четкий,

частый,

щемящий звук –

будто дерево рубят где-то.

Я засыпаю под этот звук.

Сон происходит в минувшем веке.

Звук этот слышится век назад.

Ходят веселые дровосеки,

рубят,

рубят

вишневый сад.

У них особые на то виды.

Им смешны витающие в облаках.

Они аккуратны.

Они деловиты.

У них подковки на сапогах.

Они идут, приминая травы.

Они топорами облечены.

Я знаю –

они, дровосеки, правы.

Эти деревья обречены.

Но птица вскрикнула,
        ветка хрустнула,
и в медленном угасанье дня
что-то вдруг старомодно грустное,
как дождь, пронизывает меня.

Ну, полно, мне-то что быть в обиде!
Я посторонний. Я ни при чем.
Рубите вишневый сад!
        Рубите!
Он исторически обречен.

Вздор – сантименты! Они тут лишни.
А ну, еще разик! Еще разок!
...И снова снятся мне
        вишни, вишни,
красный-красный вишневый сок.

«Мучительно хочется рисовать...»

Мучительно хочется рисовать.

Повсюду тюбики рассовать.

О, поющее, как свирель,
название – акварель!

Белые вижу во сне листы.

Как чисты они!

Как пусты!

И я рисую на них лицо

на тоненьких двух ногах.

Оно насмешливо щурит глаз:

– Ну, полно,

ты ведь не рисовал!

– Да, знаю, было – не рисковал,

а вот захотел рискнуть. –

И кисточку я опустил в стакан.

Всю ночь стояла она в воде,

а утром,

этак часам к шести,

вдруг начала расти.

Пустила корни она, а там –

набухли почки на ней, а там –

раскинуло веточки над водой

веселое деревцо.

И толстые тубики стали в круг,
и начался танец,
и это был
танец маленьких дикарей
из племени Акварель.

Трубила розовая труба.
Зеленый буйствовал барабан.
Нес оранжевый человек
солнце на голове.
Дальше форменный был содом.
Хлопал ставнями синий дом.
Лошадь, красная, как пожар,
по черной неслась траве.

Но тут шагнуло под деревцо
все то же действующее лицо,
лицо страдающее —

лицо
на тоненьких двух ногах.

Оно вскричало:

— Порочный круг!

Меня нарочно лишили рук,
и я не вынесу этих мук,
и я покончу с собой!..

А мне так хочется рисовать.
Я буду пробовать, рисковать,
и я спасу тебя,

О лицо

на тоненьких двух ногах!

На верхней веточке деревца

я нарисую тебе скворца

и дам тебе четыре руки,

и ты поймаешь его!

Человек, умеющий всё

О человек, умеющий всё,
имеющий две сильных руки!
Он пальцем сделал дырку в земле
и семечко в нее опустил.

И утром
того самого дня
проклюнулся из дырки росток,
и был он так высок, словно стог,
а может быть, и больше того.

И вечером
того самого дня
плод появился на месте том,
и был он так высок, словно дом,
а может быть, и больше того.

Огромный плод лежит на земле,
словно бы на большом столе.
Тихо качается над землей
огромный аэростат.

О человек,
умеющий всё,
имеющий две сильных руки!

Скорей мне тайну свою открой,
искусству своему научи!

А он отвечает мне:

– Пустяки!

Тут вовсе тайны нет никакой –
я пальцем сделал дырку в земле
и семечко в нее опустил.

Кораблик

Б.Окуджаве

Весною мир – красочный.
Весною он – сказочный.

В листве грачи возятся.
В ручьях сказки водятся.

А в сказки я – верую.
Я ветку взял вербную.

Спрошу в бюро адресном:
– А где живет Андерсен?
Девчонка в бюро адресном
по случаю дня вешнего

глядит на меня радостно,
мне отвечает вежливо:

– Идите по Светлой улице,
а после – по Теплой улице.

Там во дворе – лужица.
Над нею белье сушится.

Зяблик над ней кружится.
Кораблик по ней плавает.

Кораблик тот – маленький,
бумажный он, беленький.

В кораблике том маленький
сидит муравей, бедненький.

Садитесь и вы как следует.
Как раз он туда и следует.

Портрет

Черной краской на бумаге ватманской
мой портрет нарисовала девочка.
Смотрят на портрет мои знакомые,
говорят – Ну просто замечательно!

А с портрета я смотрю растерянно.
У меня усы висят обиженно.
Руки мои черные раскинуты –
я стою, как ветряная мельница.

Ничего в портрете нет случайного.
Просто дети очень наблюдательны.
Что за простодушие и доверчивость
в этой милой их неискренности!

Акварелью рисовала девочка
все, что она видела и слышала.
Короля нарисовала голого,
на редиску красную похожего.

Дурака нарисовала круглого
с головою маленькой, как пуговка.
Человека грустного и странного,
что руками машет, словно мельница.

Все восхищены рисунком девочки,
кистью ее зоркою и дерзкою,
признаком искусства настоящего —
этой непосредственностью детскою.

«С деревянным домом...»

С деревянным домом
живу в ладу.
Собираю хворост
и в печь кладу.
За водой иду
и варю еду
из картошки да из крупы.
А потом я корни ищу
в лесу.
А потом я корни
домой несу,
чтобы там разобраться в них.
А старательный дятел —
всё тук да тук.
А сосна надо мною —
всё скрип да скрип.
И стоит сыроежка,
печальный гриб,
дурачок на одной ноге...
Вот ушел я
от суеты сует.
Ни о чем душа моя
не болит.
Телефонный мой
торопливый быт

где-то в прошлом —
как неолит.

Там под слоем пыли
молчат часы.

Там лежит в беспамятстве
календарь.

Телефонная трубка на рычаге,
как удавленница, висит.

А в лесу стоит
деревянный дом
и летит, как бабочка,
желтый лист.

Сыроежка,
недальновидный гриб,
хочет сам себя обмануть.

Дерево добрых

(Из стихов о Ясной Поляне)

1

...И сразу явственной и связанной
зеленый ЗИЛ

и зелень озими.

О, сень яснополянских ясеней
в начале дня, в середине осени!

Не экскурсанты мы, а странники.
Которое уж поколение.

Деревья эти —

тоже странники.

Они пришли на поклонение.

Их древний облик разрушается.
Летит листва в траву надгробную.
Но только им и разрешается
украсить ту траву надгробную.

Никто не рвет ее, не трогает.
Возле нее стоят в молчании.

Что нас, сегодняшних, так трогает
в том целомудренном молчании?

Сюда идут деревни ближние,
заезжий принц и пролетарии.
И все слова здесь уже лишние,
и все излишни комментарии.

Оконца в комнате под сводами
и в окнах рощица осенняя
яснее, чем экскурсоводами
даваемые пояснения.

2

Что за богатство
в листьях тех медных!
Дай мне копейку,
дерево бедных!
Сделай богатым,
щедро даруя, —
я не растрочу,
все раздарю я.
Дай твоей меди,
колокол медный!
Видишь, я маленький,

видишь, я бедный.

Дай мне уменя,

к ближним вниманья —

не всепрощенья,

но пониманья.

Дай теплоты мне

рук твоих теплых,

дерево бедных,

дерево добрых!

Популярность

Я живу сейчас на Садовой.
Чехов тоже жил на Садовой.

Этот маленький старый домик
между нынешними домами —

словно маленький скромный томик
между кожаными томами.

Домик ярко не освещается.
Он не многими посещается.

А на ближней Садовой где-то
громко светится оперетта.

Ее многие любят сильно.
Там изящно страдает Сильва.

Там публично грустит Марица.
Туда дамы идут молиться.
Слышу возле киоска ближнего:
— Нет билетика? Нету лишнего?

...Чехов. Шумное представление.
Велико ты, кольцо Садовое!

Здесь не противопоставление –
ты не думай, кольцо Садовое!

Просто вот какие полярности.
Просто разные популярности.

В Ленинграде, когда была метель

И снег этот мокрый,
и полночь, и ветер —
впервые.

На Невке, на Мойке
я в этом столетье
впервые.

И вьюга мазурки все кружится.

Здравствуйте, Лиза!

Послушайте, Лиза,
куда вы торопитесь, Лиза?

Все выюжит и выюжит.

Смотрите, вам холодно будет.

Кончается полночь,
а Германна нет,
и не будет.

Ну, будет вам, Лиза,
не надо печалиться очень.

Вы знаете, Лиза,
ведь вы меня любите очень.

Недаром же дверцу
вы мне отворяете, Лиза,
и смутное сердце
вы мне доверяете, Лиза.

Мы снова и снова
все те же мосты переходим,

и слово за словом
мы с вами на ты переходим.
Ты любишь, скажи мне?
Ты любишь?
Скажи мне, ты любишь?
А ты меня любишь?
А ты?
Ну, а ты меня любишь?
Люблю тебя, Лиза!
Нет, Ольга!
Зови меня Ольгой!
Как странно –
я звал тебя Лизой,
я знал тебя Ольгой.
Я все тебя путаю
в этой старинной метели.
Я бережно кутаю
плечи твои
от метели.
И выюга мазурки
меня навсегда засыпает.
И Лиза моя
на руке у меня
засыпает.
И боязно губ этих сонных
губами коснуться.
И трудно уснуть,
и совсем невозможно
проснуться.

Трава

Марине

Всему свой срок. Сейчас пора травы.
Она легко пробилась между строк,
и, маленькая, ты по ней идешь,
не замечая, как она густа.
Ты тоже между строк в моих стихах.
Ты тоже как травинка.

Можешь лечь
на белом поле этого листа
и не привлечь внимания моего.
А я вверху.

Я где-то там. Где бог.
Что я могу?

Что сделать для тебя?
Карандашом я обвожу кружок.
Вот это твой лужок.

А дальше снег.
А дальше поле.

Белые листы.
И белые кусты.
И слабый след
неровной строчки белого стиха.
А ты тиха.

Тебя пугает снег.

Им окружен твой маленький лужок,
и ты боишься выйти из него.

А ты не бойся.

Ты моя трава.

Ты все равно пробьешься между строк,
заполнив эти белые листы.

А до того – белы они.

Пусты.

Пока ты не пробьешься между строк.

«То ты в слезы, то в хохот...»

То ты в слезы, то в хохот.

Столько шуму наделала.

Убежала на холод.

Хоть бы шубу надела!

Ты под снежною крупкою

стала хрупкою-хрупкою,

стала маленькой-маленькой,

совершенно беспомощной.

Вот и кончился пригород.

Как леса здесь бесшумны!

Белки рыжие прыгают.

Ну куда ты без шубы?

Все ты по снегу, по снегу,

по вечернему, позднему,

в этих туфельках бежевых,

в этом свитере тоненьком.

Ты затянута изморозью.

То шагнешь, то оступишься.

Как ты вырвешься из лесу?

Ведь без шубы простудишься.

Лес большой. Лес не кончится.

Спать ужасно захочется.

Ты прислонишься к дереву

и задремлешь, усталая.

Под холодными звездами
я бегу за тобою.

Я кружу между соснами.

Я бегу за тобою.

Я кричу – Возьми шубу! –

Я в сугробы проваливаюсь.

Между тихими соснами –

шубу! – слышится – шубу!

Дождь

Смотрите, что делает дождь!
А как настороженны липы!
Вот тут вы как раз и вошли бы,
пока не окончился дождь.

Пока не случилась беда,
вошли бы в мерцании капель.
Я камень лежащий,
я камень,
заброшенный кем-то сюда.

Вам так меня тронуть легко!
И вы меня стронуть могли бы.
Смотрите, как жертвенны липы,
как дышится в ливень легко!

Я все вам потом возмещу.
Однажды зимой, при морозе,
я все опишу это в прозе
и всю ее вам посвящу.

И я назову ее так:
«Записки лежачего камня».
А может быть —
«Исповедь камня».

А может быть, даже не так.

И я назову ее «Дождь».

И станет название прологом.

И станет великим пророком
мне вас напророчивший дождь.

Все это я вам подарю,
чтоб так же и вас поднимало.

И я понимаю, как мало
я, в сущности, вам подарю.

«Разлюбили. Забыли...»

Разлюбили. Забыли.

Так однажды забыли,
будто двери забили
и все окна забили.

В заколоченном доме моем
не светает.

Только слышу,
как с крыши
сосулька слетает.

Кто-то мимо проходит.
Кого-то зовут.

В заколоченном доме моем
только звуки живут.

Только звуки приходят ко мне
и гостят у меня.

Звуки ваших часов.
Звуки вашего дня.

Вот я слышу,
как вы зажигаете свет
через тысячу стен от меня.

Ваше платье упало на стул.
Это вы раздеваетесь.

Вы гребенкою чешете волосы.
Это гроза.

Через тысячу стен этих

слышу,

как вы раздеваетесь,

как вы дышите,

как закрываются ваши глаза,

как становится тихо потом,

а потом, погодя...

Белый звук снегопада.

Зеленые звуки дождя.

Женщина в голубом

У курортного моря,
    в том безветрии голубом,
я встречал одну женщину.
    Она вся была в голубом.
Голубые туфельки.
    Шляпка модная голубая.
И глаза голубые.
    И книга в руке – голубая.
На нее молились
    изнемогшие от подагры
пожилые курортники
    Старой и Новой Гагры.
Не дыша глядели,
    стоя в садиках и в калитках,
на нее, плывущую
    в этих пальмах и эвкалиптах.
Вот она идет,
    то их милуя, то карая,
по ковровой дорожке
    их голубого рая.
Как всегда,
    с голубою книгой в руке идет.
Голубая книга
    удивительно ей идет.
И она это знает.

Она не возьмет любую.

Она выбирает
обязательно голубую.

Она равнодушна
ко всем остальным книгам.

Она знает жизнь
по одним голубым книгам.

«Я не был там какой уж год...»

Я не был там какой уж год.

По праздности? По лени?

Высокий белый пароход

спускается по Лене.

Кружится чайка за бортом,

и на скамейке с краю

с широкоскулым якутом

я в шахматы играю.

Подходит к нам его жена.

Она садится слева.

Какая у него жена —

ну просто королева!

Какие у нее глаза!

Коса у ней какая!

Я грустно отвожу глаза,

ладью передвигая.

Притом я смутно сознаю,

что нравлюсь королеве.

Я каждым ходом создаю

угрозу королеве.

Исход неясен до поры,

но если б она знала,

как я страшусь конца игры

и как я жду финала!..

Потом проходит целый год.

Вода не убывает.
Высокий белый пароход
    все дальше уплывает.
Там зябко на исходе дня.
    И лето на исходе.
И странно мне, что нет меня
    на этом пароходе.
О, захолустные места!
    Скрипучие ступени!
И деревянного моста
    железное терпенье.
Там женщина среди цветов
    идет, меня не зная,
и радуга семи цветов —
    как ягода лесная.

Осень

Кто-то вкрадчиво очень
в мои окна стучится.

Ничего, это осень.

Ничего не случится.

Я учитель. Я школьник.

Я решаю задачи.

У меня то удачи,
то одни неудачи.

Тех и этих отведав,
я свое продолжаю.

Я не знаю ответов.

Я решаю, решаю.

Вот задача о листьях,
о горящей осине.

А по сути – задача
об отце и о сыне.

За окном кто-то ходит,
лопоча и судача.

Это осень подходит.

Это тоже задача.

Вот и дождик защелкал
по листве повители.

Соловей – он отщелкал,
журавли полетели.

Звон негромкий из кузни,

будто там, за рекою,
кто-то трогает гусли
осторожной рукою.

Я медленно учился жить...

Вступление в книгу

Это город. Еще рано. Полусумрак, полусвет.
А потом на крышах солнце, а на стенах еще нет.
А потом в стене внезапно загорается окно.
Возникает звук рояля. Начинается кино.

И очнулся, и качнулся, завертелся шар земной.
Ах, механик, ради бога, что ты делаешь со мной!
Этот луч, прямой и резкий, эта света полоса
заставляет меня плакать и смеяться два часа,
быть участником событий, пить, любить, идти на дно...

Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Кем написан был сценарий? Что за странный фантазер
этот равно гениальный и безумный режиссер?
Как свободно он монтирует различные куски
ликованья и отчаянья, веселья и тоски!

Он актеру не прощает плохо сыгранную роль –
будь то комик или трагик, будь то шут или король.
О, как трудно, как прекрасно действующим быть лицом
в этой драме, где всего-то меж началом и концом

два часа, а то и меньше, лишь мгновение одно...
Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Я не сразу замечаю, как проигрываешь ты
от нехватки ярких красок, от невольной немоты.
Ты кричишь еще беззвучно. Ты берешь меня сперва
выразительностью жестов, заменяющих слова.
И спешат твои актеры, всё бегут они, бегут –
по щекам их белым-белым слезы черные текут.
Я слезам их черным верю, плачу с ними заодно...

Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Ты накапливаешь опыт, и в течение этих лет,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.